

УДК 94(47).027

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-45-56

АНТИЧНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Кузнецов Е. В.¹, Курдин Ю. А.²

¹ *Независимый исследователь*

г. Нижний Новгород

² *Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал) 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Карла Маркса, д. 36, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрение проблемы расселения восточных славян на основе анализа «Слова о полку Игоре».

Процедура и методы. Сопоставление данных топонимики «Слова о полку Игоре» с античными источниками.

Результаты. Исторические материалы наглядно свидетельствуют о тесной связи западноевропейской и восточнославянской истории в средневековье. Как полагают авторы, северы, расселившись на востоке от Днепра на обширных территориях, стремились сохранить воспоминания о прошлом и давали своим поселениям престижные и сакрально обоснованные названия с корнем Рим.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщение данных античных и русских средневековых источников о расселении восточных славян.

Ключевые слова: «Слово о полку Игоре», топонимы, реминисценции, древнерусская литература, Древняя Русь

ANTIQUE REMINISCENCES IN “THE TALE OF IGOR’S CAMPAIGN”

E. Kuznetsov¹, Yu. Kurdin²

¹ *Independent researcher*

Nizhni Novgorod

² *Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas branch*

36, K. Marx str., Arzamas 607220, Nizhni Novgorod region, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the question of settlement of the Eastern Slavs across the left-bank area of the Dnieper River based on the analysis of “The Tale of Igor’s Campaign”.

Methodology. A comparison of the toponymic information from “The Tale of Igor’s Campaign” (Slovo o Polku Igorevy) with that from various antique sources was conducted.

Results. The analyzed historical records demonstrate a close correlation between Western European and Eastern-Slavic historical development in the Middle Ages. A suggestion is made that the Severy (the name of the Eastern Slavic peoples, literally ‘people from the North’), who had settled the vast lands to the East of the Dnieper, were keen to keep the reminiscences of their past. Thus, they would name their settlements using conspicuous and sacred names containing the root ‘Rome’ (Rim, in Russian).

Research implications: The article generalizes the available data from ancient and Russian medieval sources about settlement of the Eastern Slavs.

Keywords: The Tale of Igor’s Campaign, toponymy, reminiscences, ancient Russian literature, ancient Russia

Введение

Решение проблем, связанных с исследованием выдающегося памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве», занимавших видное место в течение двух столетий в трудах русских и советских историков и филологов, в последние годы явно отошло на периферию гуманитарной науки. Свидетельством этому является тот факт, что, несмотря на появление новых литературных трудов, посвящённых изучению различных аспектов произведения, за последнее десятилетие не вышло в свет ни одного обстоятельного труда, приблизившего нас к разгадке тайн великого памятника Слова.

Большой резонанс в научных кругах вызвала книга А. Н. Ужанкова «Слово о полку Игореве и его эпоха» [11], в которой известный филолог-медиевист предложил свою концепцию авторства и хронологии анонимного шедевра Древней Руси. Резко отрицательную оценку этому исследованию дал А. М. Ранчин, отметивший в своей рецензии антиисторизм и тенденциозность автора книги, издание которой явно показывает, что «изучение «Слова» переживает кризис [8, с. 374].

Между тем «Слово о полку Игореве» до сих пор являет собой плодотворную почву для исторических и лингвистических исследований. Достаточно отметить, что явно неполно представлена этническая карта «Слова», не раскрыты связи русских княжеств XII в. с соседними народностями, не выявлены взаимоотношения славян, остготов и гуннов в IV–VI вв. Существенным ресурсом в решении историко-географических проблем «Слова о полку Игореве» являются данные различных списков ПВЛ, западнославянских летописей, а также этно- и антропониими. Проверить известия нарративов можно путём привлечения онимических материалов.

Дунайские северы и днепровские северяне

На землях Днепровского Левобережья, к востоку от Переяславля-Русского (Южного) известно «гнездо» топонимов – двусложных, но имеющих основной формант «р'м» (r'm). Здесь, в низовьях Сулы (в административном отношении это Чернобаевский район Черкасской области), на картах XIX – первой половины XX вв. можно найти речку Буромку (Буримку) Малую. На другом берегу речки изображалась местность (урочище) Супрома, то есть «супротив» Рома¹. Здесь же, на речных берегах, известны селения Большая и Малая Буримка (Буромка). Одна из любительниц старины около 50 лет тому назад писала, что её земляки звали раньше селение Буромку (Буримку) «Був-Рим» [6, с. 9–10]. Точнее, наверное, – Бу[й]-Рим. Из этого следует заключить, что уменьшительный суффикс «к» возник сравнительно недавно и связан с девальвацией значения топонима в народном сознании².

Эти топонимы едва ли привлекали бы внимание учёных, если бы не многозначительный эпизод из «Слова о полку Игореве». В текст «златого слова со слезами смешанного» автор поэмы включает замечание, что поражение Игоря открыло половецким ханам дорогу на приграничные степи русской земли. Великий киевский князь Святослав³, в уста которого вложено «Златое слово»⁴, произносит такую фразу: «...Се у Римъ кричать подъ саблями половецкими...»⁵. Эти семь слов вызвали многократные и довольно

¹ Большая Буримка (Буромка) течёт, естественно, по соседству.

² Ср. *Суп-рома* также без суффикса «к» (Рома, а не Ромка).

³ Святослав Всеволодович (1117–1194), внук Олега Святославича («Гориславича»). Первое упоминание в летописи – 1140 г. Великий князь в Киеве – 1181–1194 гг.

⁴ «... великий Святославъ изрони злато слово с слезами смешено...».

⁵ Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъслава, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 304–305.

обширные комментарии. Стараниями нескольких поколений специалистов был выделен ряд населенных пунктов на землях днепровского левобережья, которые своим фонетическим обликом напоминали Рим[ов] древнерусского поэтического произведения [2, с. 61–64; 11, с. 203]. Это Ромны (запад современной Сумской области), Римовка (ныне – Рымаревка), верховья реки Псел, вблизи города Гадяч, а также Рим или «Рым» (украинское произношение) на юге Черниговщины (Прилуцкий район). К ним можно прибавить Ромодан на среднем течении реки Сулы. Однако все названные селения лежат далеко от Переяславля-Русского, который безуспешно пытался атаковать Кончак. Именно после этой неудачи, отступая в степи, Кончак сжёг Рим (Римов) и захватил большой полон. В летописях можно встретить немаловажную деталь: некоторые римовцы спаслись бегством через болота, которые лежали у стен города в понизовье Сулы. Остальные города, претендовавшие на печальную участь «Рима» (Римова), были расположены на возвышенной (а потому сухой) местности в верховьях Псела и Сулы.

Эти четыре топонима (с Ромоданом – пять), существовавших в области расселения северян, не могут не спровоцировать вопроса: почему столько «Римов» («Ромов» и др.) существует здесь, на землях одного из славянских племен или вблизи территории его компактного расселения?

Текст «Слова...» даёт ряд интересных материалов для ответа на поставленный вопрос. Речь должна идти, в частности, о неоднократном употреблении автором поэмы теонима Троян (Траян). Теоним встречается в поэтическом тексте четыре раза. Три упоминания: «века» Трояна, «седьмой век»¹ после Трояна, «тропа»

¹ Речь здесь идёт о действиях полоцкого князя Всеслава. Автор «Слова» датирует их седьмым веком после Траянова времени, т. е. после захвата Подунавья гуннами в конце IV в., но, как кажется, возможно другое «векоисчисление». Это «векоисчисление» предполагает, что в основу счёта славяне

Трояна – нашли немало число комментаторов. Четвёртое же из упоминаний привлекло меньше внимания и, как нам кажется, неоправданно. Вот строки из «Слова...», контекстные интересующему нас теониму: «... Ужо бо, братие, не веселая година вьстала ... вьстала обида ... вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону...»². Важно понять, что обозначал древнерусский поэт словами «земля Трояна». Имеется в виду, на наш взгляд, не ландшафт, не территория, а народ, точнее, та часть русского народа того времени (XII в.), которая историческими корнями была связана с племенем северян. Для северян добрым «гением», божественным покровителем, иначе говоря, при неизвестных нам обстоятельствах стал римский император Марк Ульпий Траян (98–117 гг.), который немало времени провёл и многое совершил в землях племён, живших по берегам Дуная (в его нижнем течении) [3; 12, р. 14–17]. Можно, логически рассуждая, предположить, что предки северян заключили с римским императором, который вёл затяжные войны с даками, а потом нуждался в поддержке, договор о патронате. Патронатные отношения были широко распространены на территориях римских провинций. За поддержку «патрона» его «клиенты» (род, племя, община) получали льготы в налогах, материальную помощь, защиту от нападений со стороны врагов и др. [1, с. 240]. О том, что «предком» языческого

брали не десятичный принцип, а «двудесятеричный», т. е. считали «дюжинами». Поэтому славянский (славяноязыческий) век должен был иметь 120 лет. Тогда от «века Трояна», который начинается, вероятнее всего, с года вступления Траяна в «императорскую» должность, и должен был закончиться началом III в. Если мы, условно, к 200 г. н. э. прибавим 7 веков по 120 лет (840 годов), то получим середину XI в., т. е. время, когда, как явствует из «Слова» и «Повести временных лет», действовал полоцкий князь Всеслав, герой древнерусского поэтического произведения...

² «Слово о полку Игореве». Подготовка древнерусского текста [академика] Д. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1986. С. 33, 45, 28, 35.

северянского бога Трояна (почитавшегося и в других, включая славянские, племенах) был римский император II века Х.Л., уже писалось, особенно много украинскими специалистами¹.

Однако имя императора Трояна не стало эпонимом племени («этнической общины»). Клиенты Трояна из жителей придунайских равнин через несколько десятков лет после его смерти не могли не оказаться в тесных отношениях с императорами династии Северов (193–235 гг.) и, логично умозаключить, именно данное династическое имя стало эпонимом какой-то племенной группы. Ранневизантийская летописная традиция, в первую очередь хроника Феофана Исповедника, фиксирует на Нижнем Дунае этническую группу «северов»². Совпадение императорского когномена и этнонима не является случайным. Впрочем, прежде чем аргументировать наш тезис, обратимся к историографии. Близость балканского этнического имени «северы» с днепровскими «северянами» выглядит вполне очевидной (общий корень, суффиксы «ян», «ан», типичные для славянского этнолексона³) и подтверждена авторитетом крупных отечественных специ-

алистов. В. В. Седов так интерпретирует данный исторический факт: «Этноним *северы* сопоставим с восточнославянскими северянами, в связи с чем вполне допустима мысль о том, что балканские северы – отколовшаяся часть большого праславянского племени, сложившегося в условиях славяно-иранского симбиоза в антском регионе Днестровско-Днепровского междуречья» [9, с. 414].

Г. Г. Литаврин, издатель Феофана Исповедника⁴, обращает внимание на другие этнические связи северов: «...северы составляли до вторжения булгар часть объединения «Семь родов»⁵ ..., но сохраняли внутри союза, как это имело место и в других подобных союзах, полуавтономию (не случайно сохранили собственное наименование...)»⁶. Нельзя не согласиться с мнением последнего автора об отчужденности северов от славянских родовых (племенных) групп, но почему Литаврин считает их «полуавтономными» от славян, а не полностью «автономными» (равноправными союзниками «семи родов»), понять трудно. «Славяно-иранский симбиоз», да ещё «в антском регионе» – это чисто логическая конструкция маститого учёного, которую трудно согласовать с реальными фактами.

Нашу аргументацию следует начать с того, что этноним «северы», равно как и наименование римской императорской династии Северов, происходит от хорошо известных латинских слов «severus, a, um», «severitas» (f). Существительное «северитас» входит в основной словарный фонд латинского языка и означает «суровость», «строгость», «холодность»; соответственно прилагательное «се-

¹ Один из известных издателей и комментаторов А. В. Мишанич отметил, что многие украинские специалисты «... схильні вбачити тут римського імператора... Траяна..., тісно зв'язаного своєю завойовницькою політикою з придунайськими слов'янами і румунами... його ім'я для придунайських слов'ян і Причорномор'я, значило багато. Авор «Слова», книжник, ознайомлений із византійською і південно словянською традицією, міг мати на увазі сааме цього діяча античного світу» // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъслава, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 298.

² Феофан уделяет большое внимание вторжению кочевников-тюрков с ханом Аспарухом на земли, прилежащие к нижнему течению Дуная и на северо-восток Балканского полуострова (римская провинция Мезия) в 679 г., а также последующим историческим событиям в этом регионе (конец VII–VIII вв.) // Феофан Исповедник. Хронография. М.: Директ-Медиа, 2016. 1246 с.

³ Древнерусские этнонимы с суффиксами «ан», «ян» достаточно хорошо известны: древляне, поляне, галичане.

⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII–IX вв.) / отв. редактор Г. Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1995. С. 284–335.

⁵ Писавшие ранее специалисты называли эту этнополитическую единицу «Семь племён» и считали их славянами.

⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII–IX вв.) / Отв. редактор Г. Г. Литаврин. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 314–315.

рус» (муж. р.) переводится «суровый», «строгий»¹. Никакие ираноязычные параллели этим латинским лексемам нам не известны. Зато известно несколько древнеримских имён, в состав которых входил интересующий нас оним, в частности – оратор и сатирик Cassius Severus (50 г. до н. э. – 33 г. н. э.), христианский писатель конца IV – начала V вв, автор «Historia sacra» Сульпиций Север².

Аргументы «от лингвистики» согласуются с данными «от истории». Античные писатели сообщают немалое число разнообразных фактов, которые соединяются в весьма стройную с логической точки зрения цепочку. Одним из последствий «дакской войны» Траяна (конец I – начало II в. н. э.) явилось запустение нижнедунайских земель. Поэтому активно стало проводиться переселение разноэтнических групп (подчеркнём, что это были мелкие, разрозненные группы) на обезлюдившие территории. Наибольшее число переселенцев пришло из далеких селений Северной Африки и Сирии. На новой земле разобщённые (атомизированные) переселенцы, взаимодействуя с местными жителями и между собой, вынуждены были опираться на римские культурные (культурно-бытовые) институты и, естественно, пользоваться в общении с соседями латинским языком. Через несколько поколений произошла амальгамация аборигенов и переселенцев и образовался субэтнос восточных римлян (ромеев). Позднее, уже в послепластическое время, на базе этих придунайских жителей образовался вполне самостоятельный этнос с особым диалектом римского языка, которых славяне звали (иногда зовут и сейчас) «влахами» («волохами»), а самоназванием нового на-

рода стали слова «румы»³, «румьны» («румьны»). К этому романизовавшемуся населению Подунавья императоры династии Северов имели особенное отношение. Их корни, как и корни нижнедунайских жителей, лежали в семитских областях Сирии и Северной Африки (в последнем случае – из семитопунических регионов). Провинциальные симпатии Северов выразились в том, что они предоставили права гражданства провинциальным жителям Империи, а новые «ромей» Подунавья не только получили широкий доступ в римскую армию, но и доступ в привилегированные преторианские (гвардейские) когорты. В этих условиях логика фактов позволяет говорить, что какая-то группа (община, племя) жителей нижнедунайских областей просила и получила высшую санкцию на «обретение» императорского династического именованья – «северы». Нашу позицию, таким образом, можно описать так: северы – это одна из ромейских (румьных) групп местного латинизированного (и романизованного) населения, удостоившаяся своего имени за какие-то неизвестные пока нам заслуги перед династией Северов.

Проникновение славян на нижнедунайские земли имело последствия: одна часть местных жителей была вытеснена, другая взаимодействовала в различных формах с пришельцами. В последнем случае демографически активные славяне нередко ассимилировали чуждые этнические элементы. Как объективная историческая неизбежность имел место быть и процесс ославянивания этноса (племени) северов. Иначе говоря, симбиоз славян и румов (восточных ромеев) развился в победном для славян направлении. Феофан Исповедник⁴ свидетельствует, что после вытеснения византий-

¹ Отсюда хорошо известное нам географическое понятие, обозначающее высокие широты нашей планеты.

² Формант «север» позднее вошёл в именник Западной Европы (Северин, например, и в российские фамилии (Северовы, например)) // Латинско-русский словарь. Сост. И. Х. Дворецкий. М., 1976. С. 706.

³ На землях дунайского понизовья слово «Roma» нередко произносилось как «Рума», «Рум». Отсюда – румьны, Румыния.

⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1995. С. 279.

цев из Мезии (римская провинция к югу от нижнего течения Дуная) болгарский хан Аспарух разделил «семь родов» славян и северов. Первые были переселены на западные окраины формировавшегося южно-болгарского государства (вплоть до Аварии)¹, вторые были передвинуты на восток, к Черноморскому побережью, где им было поручено защищать приморские проходы (дороги) между горными отрогами Стара-Планины и Чёрным морем (район Варны, северо-восток современной Болгарии)². Здесь, как установил Г. Г. Литаврин, северы жили стабильно на протяжении нескольких десятилетий, сохраняя автономное от болгар (булгар) положение³. Больше того, они активно действовали против византийцев во Фракии (даже после поражения хана Телеца в войне с византийцами). Известно имя одного из их предводителей (архонта). Оно чисто славянское – Славун, и это подтверждает высказанную ранее мысль о славянизации северов (к этому времени, возможно, уже полной). Славун потерпел поражение и оказался в византийском плену – отчасти потому, что правивший хан Паган не помог ему⁴. Это случилось во вторую половину 60-х гг. VIII в.⁵ Поражение Славуну не могло не иметь последствий, но источники об этом ничего не говорят – прямо не говорят, но существуют косвенные свидетельства... В нарративе, вышедшем из-под пера патриарха Никифора (758–828 гг.), отец которого был секретарём Константина V (741–773 гг.) и, как явствует из текста, хорошо знал упомянутое несколькими строками ранее «дело» архонта северов Славуну, был отмечен факт массовой миграции

славян с Балкан именно в 60-е гг. VIII в.⁶ «... племена славян, переселяясь из своей земли (Балкан. – Е. В., Ю. А.), как беглецы переправились через Евксин... (Чёрное море. – Е. В., Ю. А.)...» Летописец говорит далее о массовом переселении (более двухсот тысяч) славян через Чёрное море в Малую Азию. Но почему только в Малую Азию? Какие-то группы (племена) славян могли перейти морские просторы в другом направлении – не в южном, а северном, не на берега малоазийской реки Артаны⁷, а к тихим заводям могучего Днепра⁸.

Попробуем повторить нашу точку зрения ещё раз, опираясь на данные Феофана и Никифора, а также комментарии к их текстам Г. Г. Литаврина. В 60-е гг. VIII вв. в болгарском (болгарском) ханстве на Дунае имел место, отчасти, как и результат поражений от Византии, затяжной политический кризис (четыре правителя за десять лет). В этих условиях произошло массовое выселение славян с Черноморского побережья Балканского полуострова. Одно направление миграции известно: северо-восток Малазийского полуострова. Северы не участвовали в этом переселении, имевшем место быть приблизительно до 765 г. (761–763 гг. – как утверждает Г. Г. Литаврин)⁹. Думается, однако, что после пленения Славуну (767 г. ?), имея в перспективе дальнейшее

¹ Авария располагалась на землях Среднедунайской равнины, в античной Паннонии (современной Венгрии).

² Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1995. С. 314–315.

³ Там же. С. 315, 320.

⁴ Там же. С. 285, 320.

⁵ В то время у болгар правили ханы Телец (701–763), Сабин (763–767) и Паган (767–768).

⁶ Это было связано с победами императора Константина V над болгарами и распрями внутри самого первого Болгарского царства.

⁷ Литаврин сообщает, что р. Артана (теперь Шиле) впадает в Чёрное море на 40 км восточнее Константинополя [10, с. 245].

⁸ По мнению Г. Г. Литаврина, инцидент со Славуну свидетельствует, что северы (как тюрки – болгары) остались на месте, несмотря на военные успехи Константина V: 30 июня 763 г. хан Телец был разбит императором. Но если до 767 г. уходили с Балканского полуострова славяне из Мезии, то после взятия византийцами в плен Славуну ничто не мешало уйти с территории Балкан северам, тем более, что новый хан Паган оказался враждебным по отношению к их архонту [10, с. 245, 320].

⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1995. С. 244.

насилие от кочевых ханов и от константинопольских василевсов, северы также ушли с Балкан на морских судах, но на север в Приднепровье, где на левобережье среднего течения этой великой восточноевропейской реки находились малоосвоенные и весьма привлекательные по своим агрономическим свойствам земли.

Расселившись на востоке от Днепра на обширных территориях (в несколько раз больших, чем на Балканах), северы стремились сохранить воспоминания о прошлом (славном прошлом!) и давали своим поселениям престижные и, думается, сакрально обоснованные названия с корнем Рим. Они помнили своего первого патрона – божественного Траяна (Трояна). Северы (северяне) настойчиво вспоминали о «Дунае-батюшке», обращаясь к нему за утешением в горе («плач» Ярославны на Дунае слышится) и ликуя вместе с ним в радости: «девицы поют на Дунае» по случаю возвращения Игоря в Киев (громко, радостно, надо думать): «доносятся их голоса через море до Киева»¹. Последние слова нашего перевода (пересказа) являются ещё одним аргументом в пользу морской дороги от Дуная к берегам Днепра.

Обращения к Дунаю не должны рассматриваться как чисто художественный приём. Здесь присутствует символизм глубокого, сакрального (мистически-сакрального) смысла, не очевидного читателям нового времени и нашим современникам, но воспринимаемого адекватно людьми XII столетия².

¹ Вот текст оригинала: «На Дунаи Ярославнынъ глас ся слышитъ [млышится]...: «Полечу, – рече, – зегзицею (кукушкой, по мнению Д. С. Лихачёва) по Дунаеви» (к Дунаю. – Е. В., Ю. А.). – С. 47. «... Игорь князь въ Руской земли (после побега из половецкого плена. – авт.); девицы, поютъ на Дунаи, – вьютъ голоси чрезъ море [Чёрное] до Киева» // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 47, 52.

² Действительно, зачем Ефросинье Ярославне обращаться к далекому Дунаю? Разве нет других более близких, не менее полноводных и величественно-красивых рек? Вспомним знаменитое описание Днепра у Н. В. Гоголя.

В этнониме «северы» и производном от него в древнерусском (позднее – русском) языке «северяне» следует видеть воспоминание (реминисценцию – *reminiscence* [f] по-французски) народа о прежней родине, о предпочтениях прошлых (более счастливых?) времён, о покровительстве и милости последнего великого императорского рода в последний период существования политической системы принципата.

Топоним Буримка и прозвище Буй-Тур

Объяснение одного композита (второй – *Рим) в топониме Буримка не избавляет от необходимости обратиться к другому (первому – бу[й]) и попытаться объяснить его появление в лексеме.

Уместно вспомнить, что ряд русских князей в «Слове» (но далеко не большинство) пишется с «почётным» эпитетом «буй». Вот эти княжеские имена: «буй» Роман³, «буй» Рюрик⁴. К «буям» относился и отец Игоря Святослав⁵, но главным героем древнерусского поэтического произведения является брат Игоря Святославича – Всеволод⁶. Он не простой «буй», но «буй-тур» и «яр-тур», причем сложный эпитет «буй-тур» автором «Слова» использовался неоднократно⁷.

³ В тексте: «буй Романе». Князь Волынский (Владими́ро-Волы́нский) Роман Мстиславич (1150–1250 гг.) – один самых выдающихся князей русских земель второй половины XII в. В Ипатьевской летописи он сравнивается со львом, рысью и др. Погиб в войне с Польшей // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 213–214.

⁴ В оригинале: «буй Рюриче» – Рюрик Ростиславич, внук Мстислава Великого, правнук Владимира Мономаха // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 211–212.

⁵ Трижды поэт призывает отомстить «за землю Рускую, за раны Игоревы, [сына] буюго Святъславлича!» // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 41, 42, 43.

⁶ Всеволод Святославич (1115–1196 гг.) – родной брат Игоря, князь Трубчевска и Курский.

⁷ В начале «Слова» можно прочесть: «Игорь ждет милого брата Всеволода. И рече ему буй-туръ Всеволод: «Один братъ... – Ты, Игорю! Оба есвъ Святъ-

Надо отметить ещё два словоупотребления: «буй Романе... высоко плаваеши на дело [ратное] въ буети, яко соколь на ветрехъ ширяся, хотя [как сокол] птицю въ буйстве одолети». В другом месте ведётся речь о том, что «въ буети» закалены храбрые сердца.

Обычно пересказчики (переводчики) «Слова» передавали эти слова обычными словами, привычными читателям XIX–XX вв.: храбрый, отважный, смелый и т. д. Однако словарный состав современного человека не передаёт символического (мистически-символического) смысла образов великого древнерусского поэта. Поэтому совершенно прав Д. С. Лихачёв, когда в своём «Объяснительном переводе» «Слова о полку Игореве» не стал искать синонимов символическому эпитету «буй» и стал называть князей таким образом: «буйный» тур Всеволод, Роман, Рюрик, хотя, заметим, слова «в буети» он передаёт как «в отваге», а «в буйстве» как «в смелости»...¹ И ещё, в заключительной здравице Д. С. Лихачёв выражение древнего поэта о «буй туре» оставляет без изменения².

Представляется плодотворной попытка Д. С. Лихачёва выйти за пределы современного («далевского») русского словаря при пересказе древнего поэтического текста.

Бедность древнерусского лингвистического материала подталкивает к тому, чтобы обратиться к античным европейским лингвистическим параллелям. Таковых данных много, особенно – в «Corpus inscriptionum Latinarum» (многотомное издание) и тех «специализированных»

славича!», – С. 29 лихачевского издания. В конце схожий по смыслу текст: «Слава Игорю Святъславличю, буй-туру Всеволоду...», с. 52. Ещё о Всеволоде автор «Слова» говорит, описывая сражение русских дружин с половцами: «Ярь туре Всеволоде!.. Камо, турь, поскачяще... тамо лежать поганья голловы половецкыя... отъ тебе, ярь туре Всеволоде!» // Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 33.

¹ Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 167, 178–179.

² Там же. С. 187.

словарях, составители которых пользовались малосистематизированными надписями названного «Корпуса». В частности, Альфред Хольдер в своём словаре древнекельтского языка приводит очень близкий по своей фонетике когномен в родительном падеже: *Vuiturri*. Слово это содержит надпись, найденную на территории Лондона. В именительном падеже когномен должен выглядеть так: *Vuiturris* (*Buturris*). В издании Хольдера можно найти и такие близкие лексемы: *Buturrus*, *Buturro*, *Buturra*, *Biriati fi* [lia]³. *Buturrus*, *Buturra* и аналогичные им лексемы в западноевропейских языках принадлежат к раннему пласту сакрализированных антропонимов. Первоначальный смысл двух слов, из которых состоит антропоним, близок по своему смыслу. Это самое могучее животное Европы – «бык», может быть, разные быки «по породе». Может быть, *bu[s]* – это одомашненное животное, а *tur* – «дикое»⁴. Позднее символика этих слов стала более абстрактной, означая «мощь», «силу», т. е. все то, что древние олицетворяли в могучем млекопитающем. Позднее формант *bo* [бу] в ряде европейских наречий вошел в состав теонима бог [бут, бос, бус и т. п.] [5, с. 18–19], и в качестве «определителя», «символа» стал активно применяться к названиям рек, озёр, селений, а также, что важнее, включаться в состав антропонимов, означая нечто «святое», «божественное» и т. п. Поэтому смысл первого форманта в названии селения (соответственно – реки) Бу[й]римка и почётного прозвания (прозвища) Всеволода Игоревича одинаков: «Святая» Рим[ка] и «Святой» Тур (соответственно – Божественная Рим[ка] и Божественный Тур). Святость князя может быть подтверждена с помощью древнерусской параллели. Всеволод не только «Буй», но и «Яр» Тур. «Яр» от Ярило – теонима, обозначавшего одного из славянских солнечных богов.

³ Holder A. Die alt-celtischer Sprachschatz. Vol. I. Graz, 1962. Pp. 626, 649, etc.

⁴ Вопрос требует особого рассмотрения.

Описание в поэме «сверкания» «золото-го» шлема Всеволода, вероятно, должно было напомнить слушателям (позднее – читателям) разящий блеск горячих лучей Ярилы – бога весеннего (мартовского) солнца. «Буестъ» («буйство») – это тоже не простое мужество, смелость и т. п., а сакрализованные (божественно обусловленные) качества воина: его святая одержимость, подобная той, которая владела ещё памятными на Руси XII в. «берсеркерами» из скандинавских викингов (скандинавских варягов) или отечественными «черниговскими» «былями» (боярами), «могутами» (силачами) и др., которые выходили на боевое поле с одним «засапожным» ножом¹ и обращали толпы врагов в бегство. И ещё одно замечание: «буйесть» – это нарицательное существительное от теонима (теонимического онима) «Бу[й]» (Боз, Бус, Бог), равно как от языческого «Ярилы» в его усеченной форме «Яр» произошло понятие «ярость» и производные.

В известной монографии А. А. Королева [4] можно прочесть, что онимиконы «Turo», «Ture», «Turerius» широко распространены в местах расселения кельтиберов. В эпиграфических источниках упоминается галльское имя «Turones». В Ирландии (район Корка) была найдена хорошо сохранившаяся надпись в особой (раннесредневековой) графике народов Британских островов «огаме», в которой фиксировано имя местной богини «Turapias». Несколько десятков онимов с корнем *tur можно найти в словаре А. Хольдера. Среди них Turasius (Torasius), Turavus, Tureus, Turos, Turiacus, Turius, Turia, Turoius, Turuna и др.² У христиан-

ских народов Великобритании языческие теонимы были снижены в своём смысловом достоинстве. Валлийцы обозначали лексемой bwg (=bug) русское понятие «привидение». В английском «bug-boies» – это ночные духи (эльфы) и т. д. [4, р. 1154 ff]. В ведических текстах «tura» – это мощь, сила, которая мистически входит в тело священного (а потому могучего) быка.

Подведём некоторые итоги. «Буйтур», «яртур» Всеволод – выдающийся «силач» (тот, кого позднее под влиянием монгольских понятий называли богатырем). Если Роман и Рюрик просто «буеви» воины, то у Всеволода двойное сакральное величание. Из «Слова» известно, что Всеволод бился с половцами до последней возможности, поломав всё оружие, которое имел или получил от соседних «воев», но не был побеждён (убит, ранен), а лишь обезоруженным оказался в плену.

Можно условно, для простоты понимания современным читателям, передавать словосочетание «буйтур», как смелый, отважный тур, но композит «бу» в топониме Буримка такому переводу не подлежит (буйный, смелый Рим[ов] – а вот композиция «священный Рим[ов]» вполне соответствует историческому контексту. Возможно, что селение Рим[ов] при низовьях Сулы было святилищем в дохристианские времена. У городов Бу[й]-Рим[ов]а и Буй-Тура Всеволода наблюдается общее в божественности с позиций ещё языческого мировоззрения «троянова» народа – древнерусских потомков племени северов (северян).

И. И. Срезневский комментировал тексты со словом «буй»³ и проследил историю его развития. Он, в частности, цитирует текст «Повести временных лет» под 1096 г., где говорится, что князь Олег Святославович (внук Ярослава) «...всприимъ смысл буи и словеса величавы...» своих братьев, однако вести мир-

¹ Вот отрывок из текста: «Тии («были», «могуты» и др. – Е. В., Ю. А.) бо бес щитовъ, съ засапожники (речь идёт о ноже засапожном. – Е. В., Ю. А.) кликом плъкы побеждають, звонячи въ прадедную славу». Об обычае русских воинов, особых воинов в «буести» сражаться без оборонного доспеха пишут и летописи. Поэтому едва ли исторически достоверна картина Васнецова «Три богатыря».

² Holder A. Die alt-celtischer Sprachschatz. T. III. Graz, 1962. P. 1994–2020.

³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. С. 46.

ные переговоры с ними отказался¹. Здесь «смысл буй» – это, вероятно, «разум великий». Во всяком случае, «буи» и «величавы» – это понятия высокого смысла, равноуровневые в иерархии смысловых значений. Однако, как заметил Срезневский, к «новому» времени лексема «буй» потеряла высокий, сакральный смысл, хотя и сохранила следы былого величия: буй на Русском Севере XIX в. – пустое место внутри церковной ограды, используемое для церковных служб («молебны на бую») [5, с. 25, 26 и др.].

Как бы в приложение к данному очерку имеет смысл сказать несколько слов об этнониме «венеди» из «Слова». Этноним встречается в таком стихотворном фрагменте: «Ту немци и венедици, ту греци и морава поють славу Святъславлю (Святославу Киевскому, победившему хана Кобяка в 1184 г. на реке Орель. – Е. В., Ю. А.), кають князя Игоря (за неудачу на реке Каяле. – Е. В., Ю. А.)»².

Едва ли «венедици», как полагают комментаторы, – это венецианцы. Суффикс «д» свойственен немецким средневековым этнонимам, обозначавшим западных славян: Winden, Wenden и т. п., которые, конечно, произошли от латинского «veneti», но имеют специфику в произношении, несвойственную средневековым романским языкам: там латинская буква «t» стала произносится как «ц», «с». Отсюда – «Венеция», «венецианцы». Потому вернее будет предположить, что «венедици» «Слова» – это западные (или прибалтийские) славяне, ещё не поглощённые к тому времени немецкой колонизацией.

Все распространенные здесь исторические материалы – свидетельство тесной связи западноевропейской и восточнославянской истории в далеком от нас средневековье.

Когда уже были написаны заключительные слова в этой статье, авторы, в

очередной раз просматривая эпиграфический материал из упоминаемых на этих страницах свода латинских надписей (corpus inscriptionum latinarum), обнаружили интересные параллели восточно-европейским северам (северянам) на далеких западноевропейских территориях. Речь идет об использовавшихся в южной Галлии именах северакус (severacus) и североиакус (severiacus). Оба эти варианта Альфред Хольдер выводит из римских родовых обозначений: severus, severius...³ Впечатляет то, что до сих пор довольно кучно в департаментах Аверон (Aveiron) и соседних с ним департаментах Тарн (Tarn), Дром близ Валанса расположились теонимы в древней форме Severac (Severy) или «офранцуженное» Civrac. Всего специалисты нашли двадцать три так поименованных селений⁴. Среди них необходимо отметить замок (château – шато) Северак, церковь Северак и лесной массив Северак (causse de Severac) в нескольких километрах от столицы древних рутенов, ныне центр департамента Авейрон-Родеза [5, с. 116]. Такая сумма онимастических фактов не может быть случайной, она даёт основание для разных гипотетических построений европейского историко-географического масштаба.

Заключение

Таким образом, исторические материалы наглядно свидетельствуют о тесной связи западноевропейской и восточнославянской истории в средневековье. Как полагают авторы, северы, расселившись на востоке от Днепра на обширных территориях, стремились сохранить воспоминания о прошлом и давали своим поселениям престижные и сакрально обоснованные названия с корнем Рим. Приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что автор «Слова» проявил незаурядную эрудицию в истории, сумев

¹ Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989. С. 91.

² Слово о плъку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Київ: Дніпро, 1983. С. 37.

³ Holder A. Die alt-celtischer Sprachschatz. Vol. III. Graz, 1962. Pp. 1531.

⁴ Ещё один Северак существует близ устья Луары у города S. Nazaire.

связать в своём поэтическом тексте события, разобщённые друг с другом более чем семью столетиями. Составителю «Слова» хорошо известно о связи его предков северского (северянского) племени с древними жителями Нижнего По-

дунавья. Думается, что образ реки Дунай в «Слове о полку Игореве» не просто воспоминание, а отражение реальной жизни его предков на реке Дунае.

Статья поступила в редакцию 14.05.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартошек М. Римское право (Понятия, термины, определения) / под ред. З. М. Черниловского. М. : Юридическая литература, 1989. 448 с.
2. Звагельский В. Б. О локализации летописного Римова // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 1. С. 61–64.
3. Князький И. О. Император Траян. М. : Алетея, 2016. 160 с.
4. Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М. : Наука, 1984. 209 с.
5. Кузнецов Е. В. Этногенез восточных славян: исторические очерки (IV–IX вв.). Арзамас: АГПИ, 2001. 191 с.
6. Литаврин Г. Г. Формирование и развитие болгарского раннефеодального государства (конец VII–XI вв.). Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М. : Наука, 1985. 368 с.
7. Ляскоронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечевые времена. СПб. : Сенатская типография, 1907. 123 с.
8. Ранчин А. М. О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 358–376.
9. Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. М. : Языки славянской культуры, 2002. 624 с.
10. Стародубцев Г. Ю., Чубур А. А. Римов – Мужеч – Гочево: три имени одного комплекса? // Русский сборник. Брянск, 2019. С. 201–209.
11. Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М. : Академика, 2015. 508 с.
12. Donev D. The Genesis of the Roman Settlement Network in the Balkan Provinces and on the Danube: Settlement Chronology // The Busy Periphery: Urban Systems of the Balkan and Danube Provinces. Second and Third Editions with Additions. Oxford, Archaeopress, 2019, pp. 14–50.

REFERENCES

1. Bartoshek M. *Rimское pravo (Ponyatiya, terminy, opredeleniya)* [Roman law (Concepts, terms, definitions)]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1989. 448 p.
2. Zvageľskij V. B. [On localization of the chronicle city of Rimov]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International journal of experimental education], 2014, no. 1, pp. 61–64.
3. Knyaz'kij I. O. *Imperator Trajan* [Emperor Trajan]. Moscow, Aleteya Publ., 2016. 160 p.
4. Korolev A. A. *Drevnejšie pamjatniki irlandskogoazyka* [The oldest monuments of the Irish language.]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 209 p.
5. Kuznecov E. V. *Etnogenez vostochnyh slavyan: istoricheskie ocherki (IV–IX vv.)* [Ethnogenesis of the Eastern Slavs: historical essays (4th–5th centuries)]. Arzamas, ASPI, 2001. 191 p.
6. Litavrin G. G. *Formirovanie i razvitie bolgarskogo rannefeodal'nogo gosudarstva (konec VII–XI vv.)*. *Rannefeodal'nye gosudarstva na Balkanah VI–XII vv.* [Formation and development of the Bulgarian early feudal state (late 7th–11th centuries). Early feudal States in the Balkans in 6th–11th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 368 p.
7. Lyaskoronskij V. G. *Russkie pohody v stepi v udel'no-vechevye vremena* [Russian campaigns in the steppe in the times of appanage and Veche]. Saint-Petersburg, 1907. 123 p.
8. Ranchin A. M. [About New A. Uzhankov's book and the Problems of Studying "The Tale of Igor's Campaign"]. In: *Literaturnyj fakt* [Literary Fact], 2017, no. 4, pp. 358–376.
9. Sedov V. V. *Slavyane: istoriko-arheologicheskoe issledovanie* [Slavs: Historical and Archaeological research]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002. 624 p.
10. Starodubcev G. Yu., Chubur A. A. [Are Rimov – Muzhech – Goechevo the Three Names of one Complex?]. In: *Russkij sbornik* [Russian Collection of Articles], 2019, pp. 201–209.

11. Uzhankov A. N. *“Slovo o polku Igoreve” i ego epoha* [“The Tale of Igor’s Campaign” and Its Epoch]. Moscow, Akademika Publ., 2015. 508 p.
12. Donev D. The Genesis of the Roman Settlement Network in the Balkan Provinces and on the Danube: Settlement Chronology. In: *The Busy Periphery: Urban Systems of the Balkan and Danube Provinces* (2nd – 3rd c. AD). Oxford, Archaeopress, 2019, pp. 14–50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор;

Курдин Юрий Александрович – кандидат филологических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;
yukurdin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy V. Kuznetsov – Dr. Sci. (History), Prof.

Yuri A. Kurdin – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Dean, Faculty of History and Philology, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas branch;
yukurdin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кузнецов Е. В., Курдин Ю. А. Античные реминисценции «Слова о полку Игореве» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 45–56.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-45-56

FOR CITATION

Kuznetsov E. V., Kurdin Yu. A. Antique Reminiscences in “The Tale of Igor’s Campaign”. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 4, pp. 45–56.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-4-45-56